

Д.А. Черноглазов

ХРОНИКА ИОАННА ЗОНАРЫ И ЕЕ ИСТОЧНИКИ (IX–XI века)

Об источниках Хроники Зонары существует обширная литература¹. Однако среди работ, написанных на эту тему, нет ни одного специального исследования, посвященного методу работы хрониста с сочинениями предшественников. Такая лакуна вполне объяснима: “Сокращенную историю” долгое время считали примитивной монашеской хроникой – заурядным компилятивным сочинением². Хроника Зонары интересовала исследователей исключительно как источник исторических сведений, которые писатель заимствовал из не дошедших до нас сочинений³.

В последние десятилетия появились работы, заставляющие пересмотреть традиционную оценку⁴. Было показано, что Зонара – не компилятор, а самостоятельный автор, не скрывающий собственных взглядов, что “Сокращенная история” – своеобразное сочинение, ценный памятник комниновской эпохи. Автор первой монографии о хронике Зонары И. Григориadis указал на ряд художественных достоинств этого произведения и не без оснований назвал нашего хрониста одним из самых “златоустых” писателей двенадцатого столетия⁵.

В контексте этих выводов вопрос о методе работы Зонары-историографа приобретает особую актуальность. Сопоставление текста “Сокращенной истории” с ее источниками позволило бы нам получить представление о том, как писалась Хроника, помогло бы глубже понять художественную природу этого произведения.

Целесообразность подобного рода исследований не нуждается в обосновании. Ученые уже анализировали методы компиляции других византийских хронистов: Феофана Исповедника⁶ и Георгия Синкелла⁷. Изучение хроник именно с этой точки зрения позволило сделать ряд важных выводов об идейных позициях компиляторов и о художественной природе их сочинений.

¹ Наиболее полный перечень работ о хронике Зонары приводит Моравчик. См.: *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Vol. I. Aufl. B., 1958. S. 347–348.* Последующие работы перечисляет Г. Хунгер: *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. 1. München, 1978. S. 418.*

² *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897. S. 374; Hunger H. Op. cit.*

³ *Schmidt W.A. Über die Quellen des Zonaras // Zeitschrift für die Altertumswissenschaft. 1839. S. 285.*

⁴ *Magdalino P. Aspects of Twelfth Century Byzantine Kaiserkritik // Speculum. 1983. 58. P. 326–346; Afinogenov D.E. Some Observations on Genres of Byzantine Historiography // Byzantion. 1992. 72. P. 13–33; Grigoriadis I. Linguistic and Literary Studies in the Epitome Historion of John Zonaras. Θεσσαλονίκη, 1998.*

⁵ *Grigoriadis I. Linguistic and Literary Studies... P. IX.*

⁶ *Чичуров И.С. Феофан – компилятор Феофилакты Симокатты // АДСВ. 1973. Т. 10; Он же. Феофан Исповедник – компилятор Прокопия // ВВ. 1976. Т. 37; Он же. Место “Хронографии” Феофана в ранневизантийской исторической традиции // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1981 год. М., 1983. С. 41 и сл.; Любарский Я.Н. Феофан Исповедник и источники его “Хронографии” // Византийские историки и писатели. СПб., 1999.*

⁷ *Adler W. Time Immemorial: Archaic History and its Sources in Christian Chronography from Julius Africanus to George Syncellos. Washington, D.C., 1990. P. 132–158.*

Цель настоящей работы – дать предварительную характеристику метода Иоанна Зонары. Для этого мы сопоставим хронику со следующими ее источниками.

1. “Обозрение истории” Иоанна Скилицы и сочинение Продолжателя Скилицы.
2. “Хронография” и “Краткая история” Михаила Пселла.

* * *

Исследователи уже не раз отмечали прямую зависимость разных разделов Хроники Зонары от “Обозрения истории” Иоанна Скилицы (Scyl.) и сочинения Продолжателя Скилицы (Scyl. Cont.). Так, немецкий византист Ф. Гирш показывает, что труд Скилицы послужил основным источником для рассказа Зонары о событиях с 811 по 946 г.⁸ П.Д. Карышковский отмечает, что к Скилице восходит рассказ Зонары об истории второй половины X столетия⁹. О Продолжателе Скилицы как источнике Хроники Зонары упоминает Я.Н. Любарский¹⁰.

Один раз Зонара сам называет труд Скилицы своим источником (Zon. 673.4). Впрочем, он именует этого автора Фракисием (Φρακίσιος), но точно так же Скилицу называет Георгий Кедрин¹¹. Принадлежность этих двух имен одному и тому же писателю не вызывает сомнений.

Многочисленные смысловые параллели и лексические совпадения между сочинениями Скилицы и Продолжателя Скилицы, с одной стороны, и Хроникой Зонары, с другой стороны, позволяют утверждать следующее: “Обозрение истории” Иоанна Скилицы является основным источником Зонары для истории 811–1057 гг.¹² Рассказ нашего хрониста о последующих событиях (1057–1079) восходит преимущественно к Продолжателю Скилицы.

Тексты “Обозрения истории” Иоанна Скилицы и труда Продолжателя Скилицы опубликованы в критических изданиях, и у нас поэтому есть возможность, сопоставив их с Хроникой Зонары, выяснить, как писатель работал над двумя из своих основных источников.

Перед тем, как приступить к пересказу “Обозрения истории” Скилицы, Зонара внимательно изучает текст его сочинения. К такому заключению приводит одна любопытная закономерность: заимствуя у Скилицы характеристики и суждения о героях, наш хронист переносит их на персонажей более раннего пе-

⁸ Hirsch F. Byzantinische Studien. Leipzig, 1876. S. 378–390.

⁹ Карышковский П.Д. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе // ВВ. 1953. Т. 6.

¹⁰ Любарский Я.Н. Об источниках “Алексиады” Анны Комниной // Византийские историки... С. 241.

¹¹ Georgius Cedrenus Joannis Scylitzae ope ab Imm. Beccero suppletus et emendatus. Vol. I. Bonnae, 1838. P. 1.

¹² Исключение составляет рассказ Зонары о правлении императора Никифора Фоки (963–969) (Zon. 497.4–519.10). Фрагменты указанного отрывка Хроники, восходящие будто бы к Скилице, содержат множество подробностей, отсутствующих в этом источнике, а в ряде случаев и противоречат “Обозрению истории” (Zon. 510.15 sq). М.Я. Сюзюмов предполагает, что Зонара дополняет здесь свой основной источник сведениями, заимствованными из утраченного текста А. (Сюзюмов М.Я. Об источниках Льва Диакона и Скилицы // ВО. 1916. Т. 2). Не исключено, что источником Зонары послужило здесь светское жизнеописание Никифора Фоки, существование которого предположил Я.Н. Любарский (см.: Ljubarskij Ja. Nikephoros Phokas in Byzantine Historical Writings. Trace of the Secular Biography in Byzantium // Byzantinoslavica. 1993. 54. P. 245–653).

риода. К примеру, рассказав о благодеяниях Романа I Лакапина (920–946), и в частности о том, что василевс выплатил из казны долги всех константинопольцев, Зонара выносит следующее суждение: 1. τοὺς μὲν οὖν ὀφειλέτας ὠφέλουσαν ταῦτα, τῷ δὲ γε Ῥωμανῷ μικρὸν ἢ οὐδὲν οἶμαι λυσιτελεῖν, ὅτι τε ἀλλότρια ἐτύγχανον τὰ διδόμενα (δημόσια γάρ) καὶ ὅτι τὴν βασιλείαν ἀρπάσας καὶ ταύτην κατέχων καὶ ἀπολαύων αὐτῆς καὶ τὸν ᾧ προσῆγε ταύτης ἀποστερῶν ἑαυτῷ μὲν ἀπεκλήρου τῆς βασιλικῆς εὐκληρίας τὰ ξύμπαντα, ταῖς δ' εὐποιαῖς ῥανίδα μικρὰν ἀπεμέριξε¹³ (Zon. 478.13–19).

Подобное рассуждение обнаруживается и в тексте “Обозрения истории”, но относится оно не к Роману I, а к Михаилу IV Пафлагону, правившему значительно позже – с 1034 по 1042 г. Ситуация аналогична: император приходит к власти незаконно (Михаил убивает своего предшественника Романа III Аргира) и пытается искупить тяжкий грех многочисленными благодеяниями. Скилица осуждает царя: τῆς βασιλείας ὀλοσχερῶς ἀντεχόμενος, κάκ τῶν δημοσίων καὶ κοινῶν τὰς δοκούσας εὐποιίας ἀποπληρῶν, εἶθ' ὑπολαμβάνων συγχωρήσεως τυχεῖν, ἀνόητον ἐλογίζετο τὸ θεῖον καὶ ἄδικον, ἀλλοτρίοις χρήμασιν ὠνούμενον τὴν μετάνοιαν¹⁴ (Scyl. 398.71–74).

Сходство двух приведенных пассажей¹⁵ показывает, что текст Зонары непосредственно восходит к тексту Скилицы. Следовательно, повествуя о событиях середины X в., Зонара уже прочитал и изучил последующие разделы своего источника, посвященные истории XI столетия.

Наше предположение подтвердит еще один пример. Намереваясь рассказать о походе болгарского царя Симеона (893–927) против хорватов, Зонара отмечает: Ὁ μέντοι τῶν Βουλγάρων ἄρχων ὁ Συμεών, ἀνὴρ ὢν αἰμάτων, ἡσυχίαν ἔγειν οὐλοτε ἄλλω προήρητο¹⁶ (Zon. 473.3–4).

О Симеоне Скилица ничего подобного не пишет. В сходных выражениях он характеризует другого болгарского царя – Самуила, правившего значительно позже (997–1014): οὗτος πολεμικὸς ἀνθρώπος ὢν καὶ μηδέποτε εἰδὼς ἡρεμεῖν¹⁷ (Scyl. 330.92–93).

Таким образом, Зонара снова черпает материал из дальнейшего текста “Обозрения истории”¹⁸.

Итак, хронист приступает к пересказу своего источника, заранее изучив его. Зонара не копирует текст “Обозрения истории”, а подвергает его значительной переработке. В чем эта переработка заключается? Обратимся сперва к тем случаям, когда Зонара не отстает далеко от источника, пересказывает его “близко к тексту”. Сопоставим три пары соответствующих отрывков Скилицы и Зонары.

I. Scyl. 328.57–63:

τῶν δὲ Βουλγάρων ἅμα τῇ τελευτῇ τοῦ βασιλέως Ἰωάννου ἀποστατησάντων, ἄρχειν αὐτῶν προχειρίζονται τέσσαρες ἀδελφοί, Δαβὶδ Μωυσῆς Ἀαρὼν καὶ

¹³ “Должникам это помогло, но Роману, я считаю, никакой пользы не принесло. Ведь отдавал он чужое (он черпал из казны). Захватив власть, удерживая ее и наслаждаясь ею, он лишал ее того, кому она принадлежала по праву, себя удостаивал всего царского благосостояния, а благодеяниям уделял лишь каплю”.

¹⁴ “Он всеми силами держался за власть, будто бы творил благодеяния, черпая из общих, государственных богатств, и так намеревался снискал прощения. Он считал Бога неразумным и несправедливым, надеясь подкупить его чужими деньгами”.

¹⁵ Лексические совпадения здесь и далее выделяются курсивом.

¹⁶ «А Симеон был “мужем крови” и успокоиться никак не желал».

¹⁷ “Он был воинственным мужем и не знал покоя”.

¹⁸ См. также характеристику, данную Зонарой Константиному V Копрониму (74–770) (Zon. 265.3–5). У Скилицы та же характеристика относится к Михаилу II (820–829) (Scyl. 25.12–14).

Σαμουήλ, ἐνὸς τῶν παρὰ Βουλγάροις μέγα δυναθέντων κόμητος ὄντες παῖδες καὶ διὰ τοῦτο κομητόπωλοι κατονομαζόμενοι¹⁹.

Zon. 547.5–9:

τὰ δὲ Βουλγάρων αὐθις κεκίνητο: ὡς γὰρ ἡ τοῦ Τζιμισκῆ κατήγγελλο τελευτῆ, τέσσαρσιν ἀδελφοῖς ἀνατιθέασι τὴν σφετέραν ἀρχὴν, Δαβίδ, Μωυσῆ, Ἰακώβ τε καὶ Σαμουήλ, οἱ κομητόπωλοι ὠνομάζοντο, ὅτι υἱοὶ γεγονασιν ἐνὸς τῶν παρ' αὐτοῖς ἐπιστήμων καὶ λεγομένων κομητῶν²⁰.

II. Scyl. 333.86–88:

πρὸς τοῦτον ὁ Χοσρόης πολλάκις καὶ διὰ τῶν οἰκείων στρατηγῶν καὶ αὐτὸς δι' ἑαυτοῦ ἀντιπαραταξάμενος ἐν πάσαις ταῖς μάχασι ἠττήθη²¹.

Zon. 550.13–15:

πολλάκις μὲν οὖν ὁ Χοσρόης τοῖς Πέρσαις ἀντηγωνίσαστο τοσαυτάκις δ' ἠττήθη ὁσάκις σφίσι προσέμιξε²².

III. Scyl. 403. 32–404.37:

στρατηγούντος ἐν αὐτῇ τοῦ πρωτοσπαθαρίου Βαρασβατζῆ τοῦ Ἰβηρος, ἄρχοντες τῶν ἀράβων δώδεκα, ἱπτεῖς ἔχοντες πεντακοσίους καὶ καμήλους πεντακοσίας, κιβώτια φερούσας χίλια ἐνδοθεν ἔχοντα χιλίους ὄπλιτας, τὴν Ἐδέσσαν κατελιήφασι, φάσκοντες ὡς βασιλέα ἀπιέναι δῶρα κομίζοντες²³.

Zon. 591.13–16:

δῶδεκα γὰρ αὐτῶν ἄρχοντες ἐπαγόμενοι καμήλους πεντακοσίας, ὧν ἐκάστη κιβώτια δύο ἐπλήχιστο, ἦγον εἰς Ἰδέσσαν· ἕκαστον δὲ τῶν κιβωτίων ὄπλιτην εἶχεν ἐντός· δὲ ἀπιέναι πρὸς βασιλέα δῶρα κομίζοντες²⁴.

В греческом тексте мы подчеркнули личные глагольные формы. Сличение отрывков показывает, что у Зонары личных форм заметно больше, нежели у Скилицы. Наш хронист регулярно вносит изменения в синтаксический строй источника. Для Скилицы свойственны бесконечно длинные предложения, содержащие одну-единственную личную форму и целый ряд причастных оборотов participium conjunctum и genetivus absolutus. К такой манере повествования Скилица стремится сознательно. Исследования показали, что хронист систематически преобразует в причастия личные формы источника – сочинения Продолжателя Феофана²⁵. Подобный способ построения характерен не только для “Обозрения истории”, но и для хронистики в целом. Таким стилем написаны исторические сочинения Иоанна Малалы и Феофана Исповед-

¹⁹ “Когда после кончины императора Иоанна восстали болгары, править над ними были избранны четыре брата: Давид, Моисей, Аарон и Самуил, сыновья комита, одного из весьма могущественных среди болгар людей, и поэтому называемые комитопулами”.

²⁰ “Снова началось волнение среди болгар. Ведь когда стало известно о смерти Цимисхия, болгары возложили власть на четырех братьев: Давида, Моисея, Аарона и Самуила, поскольку они происходили от одного из местных знатных людей, называемых комитами”.

²¹ “Хосров, многократно сражавшийся с ним и сам, и через своих полководцев, потерпел поражение во всех битвах”.

²² “Много раз Хосров ополчался против персов, но сколько бы раз он ни сражался с ними, он каждый раз терпел поражение”.

²³ “Когда ее (Эдессы. – Д. Ч.) стратигом был протоспафарий Вараватце Ивир, двенадцать арабских архонтов с пятьюстами всадниками и пятьюстами верблюдами, нагруженными тысячу сундуков с тысячу вооруженных воинов внутри них, пришли в Эдессу, говоря, что направляются к императору с дарами”.

²⁴ “В Эдессу пришли двенадцать их (арабов. – Д. Ч.) архонтов с пятьюстами верблюдами, каждый из которых нес на себе по два сундука. В каждом из сундуков было по одному вооруженному воину. Архонты говорили, что направляются к царю с дарами”.

²⁵ Наблюдение К. Холмс в неопубликованной диссертации.

ника²⁶. Г. Хоррокс называет подобную манеру изложения “стилем административных записей, который считался подходящим и для перечисления событий в хрониках”²⁷.

Зонара коренным образом меняет эту схему. Причастные обороты он преобразует в отдельные предложения – главные или придаточные, а причастия – в личные формы. Для какой цели хронист так поступает? Нагромождение в “Обозрении истории” усложненных конструкций приводит к тяжеловесности и запутанности стиля. Зонара избавляется от причастных оборотов, затрудняющих понимание текста и таким образом достигает большей ясности повествования. Может быть, именно желание оживить свой рассказ, придать ему ясность и выразительность заставляет писателя отказаться от “канцелярского” стиля хронистики?

Переработка, которой хронист подвергает текст оригинала, не всегда сводится лишь к изменению синтаксического строя. Нередко писатель производит и более существенные преобразования. Сопоставим отрывки “Обозрения истории” Скилицы и Хроники Зонары, в которых говорится об одном и том же событии – о битве при Хрисовуле (883).

Scyl. 144.49–145.66:

ὅς αὐτίκα παραλαβὼν τὰς δυνάμεις ἤγε κατὰ Ταρσοῦ, μηδὲν στρατηγικὸν ἐννοήσας μηδὲ εὐβουλίας ἐπάξιον. πλησίον δὲ γενόμενος τῆς Ταρσοῦ αὐλίζεται κατὰ τινα τόπον ὃς Χρυσόβουλλον λέγεται, μήτε τάφρον ἀξιόλογον μήτε στρατοπεδείαν ὄχυρὰν προσησάμενος. ὃν κατανοήσαντες οἱ Ταρσεῖς ἀμελῶς διακειμένον ἐπιτίθενται τοῦτω νυκτὸς στρατηγήματι χρησάμενοι τοιοῦτω. ὀλιγανδρῶντες γὰρ ἐκ τῆς πρὸς Ἀνδρέαν ἡττησῆς καὶ μὴ ὄντες ἀξιόμαχοι πρὸς παράταξιν, ἵππους συναγαγόντες συχνοὺς καὶ βύρσας ξηρὰς ἐξάψαντες ἀπὸ τῶν ἵππειῶν οὐρῶν, ὕψ’ ἕν παράγγελα κατὰ πολλὰ τοῦ Ῥωμαικοῦ στρατοπέδου ἐπαφίδοσι μέρη, ὅπισθεν δὲ αὐτοὶ ταῖς σάλπιγξι καὶ τοῖς τυμπάνοις ἐπιδουπήσαντες μέσον τοῦ χάρακος γυμνοῖς τοῖς ξίφεσι εἰσεπήδησαν. ταραχῆς οὖν συμπεσοῦσης τῷ τῶν Ῥωμαίων στρατεύματι καὶ δειλίας, συνταραχθέντων ὁμοῦ καὶ τῶν ἀνδρῶν καὶ τῶν ἵππων καὶ ἀλλήλοις περιπιπτόντων, συνέβη τοὺς βαρβάρους κρατῆσαι καὶ φόνον ἄπειρον ἀπεργάσασθαι τῶν Ῥωμαίων, τῶν πλείστων δυσκλεῶς συμπατουμένων καὶ συμπινομένων ὕψ’ ἑαυτῶν. οὕτω δὲ παραδόξως κρατήσαντες οἱ Ταρσεῖς καὶ Ῥωμαϊκὴν ἰσχὴν κατακόψαντες βαρβαρικοῖς ἀλαλαγμοῖς ἐπαιάνιζον²⁸.

Zon. 424.8–13:

ὅς οὐ μόνον ὢν ἠῦχει οὐδὲν κατορθῶκει, ἀλλὰ καὶ δυστυχίματι περιπέπτωκεν ἐξ ἀμελείας καὶ ἀπερισκέπτου σκηνώσεως. γνόντες γὰρ οἱ βάρβαροι τὸ ἐκείνου στρατόπεδον ἀφυλάκτως ἔχον, νυκτὸς αὐτῷ ἐπιτίθενται καὶ ἀναιροῦσι πολλοὺς, οἱ

²⁶ Horrocks G. Greek: A History of the Language and its Speakers. L., 1997. P. 179–185.

²⁷ Ibid. P. 180: note-like style of administration, deemed appropriate also for the listing of events in chronography.

²⁸ “Возглавив войско, Стипиот тут же двинулся на Тарс, и в мыслях не имея никакого благоразумного плана. Оказавшись поблизости от Тарса, он разбил лагерь в местности под названием Хрисовул, но не защитил его ни достаточно глубоким рвом, ни надежными укреплениями. Узнав о его беспечном поведении, тарсийцы напали на лагерь ночью. Вот какую они применили хитрость: поскольку после поражения у них не хватало воинов и в открытую они сражаться не могли, они собрали много коней, привязали к их хвостам сухие кожи и по одному знаку пустили коней в разные части ромейского лагеря. А вслед за ними и сами тарсийцы, протрубив в трубы и ударив в тимпаны, ворвались в лагерь с обнаженными мечами. Тут в лагере началась сумятица, охваченные испугом люди и кони принялись в беспорядке метаться, наталкиваясь друг на друга, и варварам удалось одержать верх. Они убили несметное множество ромеев, хотя большинство их сами бесславно истоптали и подавили друг друга. Одержав, таким образом, неожиданную победу и словив мощь ромейского войска, тарсийцы принялись ликовать и издавать варварские вопли”.

πλείους δ' ὑπ' ἀλλήλων συμπλατούμενοι διεφθείροτο· καὶ οὕτως ὑπερέσχον οἱ τῆς Ἀγάρ²⁹.

Зонара значительно сокращает свой источник. Он не указывает название местности, где происходила битва, и опускает рассказ о тактическом приеме арабов. Писатель ограничивается тем, что передает общий смысл текста Скилицы своими словами. Зонара изменяет не только лексический состав (отметим, что словесных совпадений со Скилицей в тексте Зонары немного), но и композицию эпизода. Скилица ведет повествование в хронологическом порядке: его рассказ начинается с назначения Стиппиота, а завершается поражением ромеев. Зонара поступает иначе: он сразу сообщает о неудачном исходе всей кампании, а потом уже поясняет, как именно сарацины одержали верх.

Иоанн Зонара – образованный и начитанный автор. Вкратце, своими словами изложить содержание прочитанного текста не составляет для него труда³⁰. Интересно, что для большинства хронистов характерен иной метод. Из текста оригинала извлекаются отдельные “текстовые блоки” – фразы или обрывки фраз, которые затем искусственно монтируются один с другим³¹. В результате повествование нередко утрачивает прежний смысл. Зонаре такой прием совершенно чужд.

Пересказывая труд Скилицы, Зонара не всегда сокращает его текст. Иногда он его распространяет. Обратимся к одному из примеров. Повествуя о смерти Исаака Комнина, хронист приводит сказочный рассказ Продолжателя Скилицы (Scyl. Cont. 108.2–11). Его содержание сводится к следующему: как-то раз во время охоты самодержец погнался за кабаном. Но кабан, добежав до берега моря, погрузился в воду и исчез, а императора внезапно поразила молния, и он без чувств упал с коня. Зонара включает в эту историю две детали.

1. По словам писателя, кабан был “страшен на вид” (Zon. 673.6);

2. Погнавшись за зверем, император “отпустил поводья” (Zon. 673.7).

С какой целью Зонара вставляет эти подробности? По-видимому, рассказ Продолжателя Скилицы кажется нашему автору слишком кратким и сухим. Стремясь сделать его более ярким и выразительным, он домысливает ряд деталей. Приведенный пример – не единственный случай подобной обработки источника. Об интересе хрониста к образным деталям свидетельствуют и другие пассажи его труда.

В рассказе Скилицы о заговоре против Льва V Армянина (812–820) есть такой эпизод: Лев решает казнить главу заговорщиков будущего императора Михаила II Аморийского (820–829) в канун Рождества Христова. Но императрица

²⁹ “Стиппиот не только не исполнил ничего из того, чем хвастал, но и попал в бедственное положение из-за собственной беспечности и неосмотрительности. Ведь, узнав, что лагерь не защищен, тарсийцы ночью напали на него и многих убили. Большинство же ромеев были задавлены насмерть своими же соотечественниками. Вот как агаряне одержали верх”.

³⁰ Подобным образом Зонара сокращает и другие источники. В своей монографии о “Римской истории” Диона Кассия Ф. Миллар сопоставляет краткое изложение “Римской истории” Иоанна Ксифилина и соответствующие разделы Хроники Зонары (см.: *Millar F. A Study of Cassius Dio*. Oxford, 1964. P. 2–3; 195–203). Сравнение показывает, что, пересказывая труд античного историка, Ксифилин и Зонара действуют совершенно по-разному. Ксифилин сокращает оригинал за счет того, что опускает целые эпизоды. В результате причинно-следственные связи исчезают, и текст эпитоматора становится труден для понимания. Пересказ нашего хрониста производит иное впечатление. Писателю удается кратко передать смысл источника своими словами. Повествование Зонары последовательно и внятно.

³¹ О методе “текстовых блоков” см.: *Любарский Я.Н.* Феофан Исповедник...

препятствует этому: она называет Льва безбожником и святотатцем, решившимся в канун праздника совершить нечестивое дело (Scyl. 20.49–51).

Зонара передает этот эпизод следующим образом: узнав о решении Льва казнить Михаила, императрица стала этому препятствовать. Она то умоляла супруга отложить казнь осужденного из-за праздника, то отваживалась на дерзость и называла царя безбожником (Zon. 330.1–5). Таким образом, согласно Зонаре, царица не только гневно порицала, но и умоляла Льва V отменить казнь. Ни в “Обзрении истории” Скилицы, ни в его источнике – сочинении Продолжателя Феофана (Theoph. Cont. 35.9–11) – об этом не говорится. Видимо, эту образную деталь домысливает сам Зонара, стремясь к выразительности и правдоподобности рассказа.

Еще один подобный пример относится к истории правления Романа III Аргира. Рассказывая о победе византийцев над арабским флотом, Зонара пишет, что ромеи “сожгли и испепелили” (ἐνέληψε καὶ κατέκαυσε) корабли сарацин (Zon. 579.17). Скилица в соответствующем эпизоде употребляет нейтральный глагол κατάλολεμῆθέντων (“потерпели поражение”) (Scyl. 386.61). По-видимому, Зонара и здесь стремится “оживить” рассказ источника.

Той же цели служат также сравнения и метафоры, которыми Зонара дополняет текст источника. К примеру, говоря о мятеже Стефана Воислава в 1042 г., хронист дополняет рассказ Скилицы (Scyl. 424.62–425. 97) следующими словами: Воислав скрывался в иллирийских горах, “как дикий зверь таящийся в пещере” (Zon. 617.16–17). Образное сравнение грозного мятежника с диким зверем заметно оживляет повествование хрониста.

До сих пор речь шла о дополнительных образных деталях, сравнениях и метафорах. Иные добавления Зонары к тексту источника носят оценочный характер. Например, рассказ Зонары о низложении св. патриарха Никифора и возведении на патриарший престол еретика-иконоборца Феофота Мелиссина Касситеры завершается следующей ремаркой: “Непостижима бездна судов Господних! Кто следует за кем?” (Zon. 327.7–8). Ни у Скилицы, ни у Продолжателя Феофана подобные слова не обнаруживаются. По-видимому, наш хронист не остается в стороне от описываемых событий и, пересказывая содержание источника, выражает собственную оценку происходящего.

Приведем еще один характерный пример. Вслед за Скилицей Зонара подробно рассказывает о бесчинствах императора Михаила III (842–867). Повествует он и о том, как Михаил запрещает докладывать ему о нападениях врагов во время конских состязаний. Этот эпизод Зонара заключает следующими словами: “Вот как прекрасен был этот василевс! Вот как заботился он о делах государства!” (Zon. 399.3–4). У Скилицы и Продолжателя Феофана подобной ремарки нет. Вероятно, как и в предшествующем примере, эти слова выражают оценку самого Зонары. Характерно, что здесь – как и во многих других случаях – повествование нашего хрониста окрашено легкой иронией. Как уже было отмечено, ирония составляет одну из отличительных черт творческой манеры писателя³².

Эмоциональное отношение Зонары к историческим героям и событиям далекого прошлого отражается также в эпитетах. Например, ловкого заговорщика внуха Самону хронист величает то “коварным” (δόλιος – Zon. 450.2), то “ненавистным” (μισαρός – Zon. 453.3). Скилица, повествующий о тех же похождениях Самоны (Scyl. 184.87 sq), подобными определениями его не награждает.

³² Другой пример иронии в тексте хроники см. ниже в нашей работе. Подробнее об иронии у Зонары см.: *Grigoriadis I. Linguistic and Literary Studies...* P. 133–147.

Проявление авторской позиции в тексте Хроники Зонары следует искать не только в оценочных комментариях или эпитетах. Два добавления писателя к рассказу о корабле императрицы Феодоры заслуживают особого рассмотрения. Согласно Продолжателю Феофана (Theoph. Cont. 88.4–89.14) и Скилице (Scyl. 51.46–66), содержание этой истории заключается в следующем: вблизи Константинополя император Феофил замечает богатое купеческое судно и узнает, что оно принадлежит императрице Феодоре. Император приходит в ярость и приказывает сжечь корабль вместе со всем товаром. Обращаясь к своему окружению, Феофил восклицает: “Знаете ли вы, что меня, Божьею волей императора, августа и собственная супруга превратила в судовладельца? Кто когда-либо видел, чтобы император Ромейский или его супруга стали купцами?” Таким образом, торговля расценивается как занятие, недостойное царственной особы.

Зонара, заимствуя этот эпизод у Скилицы, вкладывает в уста Феофила несколько иные слова: “Меня, императора, – обращается он к Феодоре, – ты хочешь сделать купцом! Знай же, что это простым людям предписано торговать, дабы они таким путем добывали себе средства к существованию. А если мы – со всем нашим двором – будем присваивать себе выгоды от торговли, как тогда добывать себе на жизнь простому человеку?” Таким образом, запрещая императрице заниматься торговлей, Феофил проявляет заботу о подданных, а такого смысла в тексте Скилицы нет. Новый смысл эпизода подтверждается и другим добавлением Зонары. Так, согласно Скилице, император, прежде чем сжечь корабль, приказывает выйти оттуда всем людям. Зонара добавляет еще одну подробность: Феофил разрешает вынести с корабля все, что принадлежит команде, т.е. имущество простых людей.

С какой целью Зонара вносит эти детали и вкладывает в эпизод принципиально иное значение? Не приписывает ли хронист императору Феофилу свои собственные взгляды? Для сравнения можно привести суждение самого Зонары о его современнике императоре Алексее I Комнине (1081–1118): “Делами он распоряжался не как общими и государственными, а себя считал не правителем, а властелином. Царский дворец он считал именовал собственным домом” (Zon. 766.4–16). Как уже отмечалось исследователями, Зонара не раз формулирует свою собственную позицию как в самостоятельной, так и в компилятивной части Хроники³³. Писатель четко разделяет имущество императора и достояние государства. Историк считает, что царю не подобает считать своей собственностью то, что принадлежит подданным (τὰ δημόσια). Подобную же мысль хронист вкладывает в уста Феофила, запрещающего Феодоре присваивать себе доходы простых людей. Таким образом, можно предположить, что Зонара намеренно изменяет смысл эпизода, чтобы вложить в него актуальное содержание.

Вообще для Зонары-историографа характерно стремление “актуализировать” рассказ о событиях давно минувших лет. Ограничимся одним примером из истории IV в. Повествуя об основании Константинополя (330), Зонара приводит рассказ о пророчестве, что город будто бы простоят всего 696 лет. Комментируя этот эпизод, хронист пишет: “Срок этот уже давно истек. Поэтому либо предсказание Валента (астролога. – Д. Ч.) следует считать ложным, а всю эту науку – греховной, либо нужно полагать, что он назвал тот срок, в течение которого устои государства сохранялись, к сенаторам относились с почтением, граждане процветали, управление было законным, власть была царской, а не тиранической, когда государи считают общее своим и черпают из казны на соб-

³³ Magdalino P. Aspects...

ственные удовольствия” (Zon. 15.3–12). Таким образом, Зонара и здесь не упускает возможности выразить свои политические воззрения.

Перелагая текст “Обозрения” Скилицы, Зонара не ограничивается небольшими вставками. Нередко он вносит и более значительные изменения. Эпизоды, взятые из этого сочинения, писатель располагает в ином порядке. В качестве примера опустим часть раздела “Обозрения истории” Скилицы, посвященного правлению Михаила IV (Scyl. 392.10–409. 86) и соответствующий отрывок хроники Зонары (Zon. 587.13–596. 1). Если разделить текст Зонары на эпизоды и пронумеровать их так, как они следуют в тексте “Обозрения”, то получится следующий результат: 2, 4, 1, 3, 5, 6, 10, 7, 9, 11, 13, 8, 15, 17, 16, 20, 21, 22, 18, 23, 19, 12.

Обратимся к другому примеру. Если таким же образом проанализировать рассказ Зонары (Zon. 444.14–449.15, cfr. Scyl. 180.7–185.40) о событиях царствования Льва VI Философа, исследование приведет к сходному результату: 2, 3, 7, 12, 1, 12а, 4, 6, 10, 13, 14.

Безусловно, столь значительное изменение порядка изложения материала приводит к преобразованию структуры источника.

Как можно охарактеризовать композицию труда Скилицы? Многие разделы “Обозрения истории” построены как типичная средневековая хроника: они представляют собой череду отдельных эпизодов, свободно примыкающих один к другому. Скилица фиксирует события в их хронологической последовательности, не заботясь о тематическом единстве рассказа. Поэтому сообщения, связанные между собой по смыслу, нередко оказываются в разных частях сочинения историка.

Например, в разделе, посвященном правлению Михаила IV Пафлагона, Скилица сообщает о следующем событии: архонт Сицилии просит у императора помощи против собственного брата, поднявшего на острове мятеж. Самодержец отправляет в Лонгивардию войско под командованием Георгия Маниака (Scyl. 398.88–399. 6). Здесь Скилица прерывает рассказ о сицилийских событиях и обращается к другим сюжетам: землетрясениям, наводнениям, военным походам, интригам Иоанна Орфанотрофа и др. Лишь значительно позже – как того требует анналистический принцип – повествование Скилицы возвращается на Сицилию, и мы узнаем о приходе Маниака и о блистательных победах этого полководца (Scyl. 403.22–30).

Как эти же события изложены в хронике Зонары? Рассказав о том, что на Сицилию был послан Георгий Маниак с войском, писатель не прерывает рассказ о сицилийских событиях, а сразу же повествует о прибытии полководца на остров и о его подвигах (Zon. 590.16–591. 14).

Точно так же Зонара обходится и с другими эпизодами того же раздела “Обозрения”. К примеру, текст Скилицы содержит несколько эпизодов, в которых говорится про Иоанна Орфанотрофа, брата императора Михаила, имевшего огромное влияние на управление государством. Вот эти эпизоды:

1. Рассказ о притязаниях Иоанна на патриарший престол (Scyl. 401.67–80).
2. Рассказ о неудачной попытке императрицы Зои отравить Орфанотрофа (Scyl. 403.12–21).
3. Сообщение о непомерно высоких налогах, установленных Иоанном (Scyl. 408.55–59).
4. Рассказ о том, как сестра Иоанна Мария напрасно просит брата эти налоги отменить (Scyl. 408.63–70).

В тексте “Обозрения” эти эпизоды самостоятельны, некоторые из них точно датированы. Что особенно важно, они рассредоточены по всему тексту раздела. Зонара заимствует у Скилицы все эти эпизоды и собирает их вместе – по той причине, что все они имеют отношение к одному историческому лицу,

Иоанну. Перед нами уже не четыре эпизода, а единый рассказ, негативно характеризующий Орфанотрофа. Тематическое единство этого отрывка Хроники Зонары подтверждается итоговой ремаркой писателя: “вот как Иоанн управлял государством” (Zon. 594.7–597.1).

Сходным образом Зонара перерабатывает и другие разделы своего источника. К примеру, все сообщения, относящиеся к третьему и четвертому браку императора Льва VI Философа, т.е. о Евдокии (Scyl. 180.9–13), о Зое Карбонопсине (Scyl. 182.46–47), о рождении сына Константина и о венчании Зои (Scyl. 184.16–185.25) и о ссоре Льва с патриархом Николаем Мистиком (Scyl. 185.28–40), в “Обзрении” Скилицы перемежаются другими эпизодами, а у Зонары следуют непосредственно одно за другим (Zon. 445.9–446.10). К ним же примыкает и упоминание о восшествии на патриарший престол Николая Мистика, которое у Скилицы помещено значительно раньше и имеет вид отдельного сообщения (Scyl. 180.7–8).

Таким образом, наш автор выстраивает повествование, руководствуясь уже не временной, а логической связью. Эта тенденция вступает в явное противоречие с жанровыми канонами хроники. Ведь главная задача хрониста – зафиксировать события в их временной последовательности. Зонара же строит причинно-следственную цепочку и группирует эпизоды по тематическому принципу, смешивая хронологический порядок. Показательно, что в тексте Зонары почти вовсе нет точных дат, которыми изобилует “Обзрение истории” Скилицы.

Стремление Зонары к единству рассказа выражается не только в композиционных перестановках. Группируя эпизоды по-новому, хронист соединяет их также и синтаксически. К примеру, вот три уже упомянутых выше сообщения Скилицы. Речь идет о браке Льва Философа с Зоей Карбонопсиной.

Scyl. 182.46–47:

Ἦγάγετο δὲ καὶ τετάρτην γυναῖκα Λέων ὁ βασιλεύς, Ζωὴ τὴν Καρβωνοψίαν, ἣτις ἐβίω χρόνον συχνόν μετ’ αὐτοῦ ἀστεφής³⁴.

Scyl. 184.16–185.17:

Ἐτέχθη δὲ τῷ βασιλεῖ ἀπὸ Ζωῆς τῆς τετάρτης αὐτοῦ γαμετῆς παιδίον ἄρρεν³⁵.

Scyl. 185.18–19: ἐβάπτισε δὲ τὸ παιδίον ἐν τῇ ἀγίᾳ Σοφίᾳ Νικόλαος ὁ πατριάρχης³⁶.

Три приведенные фразы источника Зонара собирает вместе и создает из них одно предложение (Zon. 446.1–5): καὶ τετάρτην ἀγεται γαμετὴν τὴν Καρβωνοψίαν Ζωήν. οὐκ εὐθὺς μέντοι αὐτῇ τοῦ τῆς βασιλείας μετέδωκεν ἀξιώματος, ἀλλ’ ἐφ’ ἱκανὸν αὐτῷ συμβιωῖσα ἦν ἀταινώτος, μέχρις οὗ παιδίον ἐξ αὐτῆς ἐτέχθη τῷ βασιλεῖ, ὃ παρὰ τοῦ πατριάρχου Νικολάου τοῦ θεοῦ κατηξιώθη βαπτίσματος³⁷.

Первая фраза Скилицы становится в тексте Зонары главным предложением, а вторая и третья – придаточными. Второе предложение присоединяется к первому союзом “пока” (μέχρις οὗ), а третье – ко второму при помощи местоимения ὃ. Таким образом, независимые в тексте источника сообщения теряют самостоятельность и обособленность. Между ними возникает как смысловая, так и формальная, синтаксическая связь.

³⁴ “Женился император Лев и в четвертый раз, на Зое Карбонопсине, которая долгое время жила с ним невенчанной”.

³⁵ “У Зои, четвертой супруги императора, родился мальчик”.

³⁶ “Дитя крестил в храме Святой Софии патриарх Николай”.

³⁷ “Император женится и в четвертый раз, на Зое Карбонопсине. Но не сразу он нарек ее царницей: долгое время она жила с ним невенчанной, до тех пор, пока у нее не родилось дитя, которое патриарх Николай удостоил святого крещения”.

Стремясь к непрерывности повествования, Зонара достигает ее различными путями. Если переход от одной темы к другой не может быть обусловлен логически, хронист не всегда довольствуется простым примыканием: иногда он устанавливает ассоциативное сцепление. Вот один из таких случаев. В рассказе Зонары о правлении Константина Мономаха мы находим следующую фразу (Zon. 644.11–15): καὶ οὕτως ὁ τῶν Πατρινάκων ἔληξε πόλεμος. Ὁ δὲ σουλτὰν οὐκ ἔληγεν ἐπιὼν τὰς ὑπὸ Ῥωμαίους χώρας καὶ πόλεις καὶ τὰς μὲν ληϊζόμενος, τὰς δ' ἐκπορθῶν τε καὶ οἰκειούμενος³⁸.

Таким образом, связь между эпизодами основана на двукратном употреблении одного и того же слова “прекращать” (ἔληξε – οὐκ ἔληγεν). Перед нами словесно-ассоциативное сцепление – прием, характерный для повествовательной манеры Пселла, Анны Комнины или Никиты Хониата, но совершенно не свойственный хронистам.

Заканчивая рассказ о севасте Склирене и переходя к мятежу Георгия Маниака, Зонара пишет следующее: καὶ ἡ μὲν ἀπῆλθε, τῷ δὲ βασιλεῖ ἐπῆλθεν ἐμφύλιος (Zon. 621.4–5)³⁹.

Связь между эпизодами здесь тоже базируется на словесной ассоциации. Дважды употреблен один и тот же глагол с разными приставками (ἀπῆλθε – ἐπῆλθεν). Пример очень показателен. Зонара настолько увлекается словесной игрой, что допускает ошибку. Согласно его версии, мятеж начался уже после смерти севасты. В действительности Склирена умерла два года спустя после мятежа.

Однако подобных примеров в Хронике немного. Гораздо чаще писатель пользуется другим приемом. Единство повествования достигается путем прямого авторского вмешательства. Поясним это на примере: завершив рассказ о мятеже Льва Торника и переходя к изложению истории русской войны 1043 г., Зонара отмечает: “До сих пор речь шла о войнах междоусобных, теперь же перейдет к войнам варварским. А прежде всего пусть будет рассказано о походе Руси” (Zon. 631.6–8). Вводя в текст авторскую ремарку (метатекстовое высказывание), хронист эксплицитно уведомляет читателя о перемене темы.

* * *

Повествуя о событиях конца X–XI в., Зонара весьма часто обращается к “Хронографии” Михаила Пселла⁴⁰. Знает хронист и второе историческое сочинение Пселла – “Краткую историю”, лишь недавно ставшую достоянием исследователей (Н.С.). Целый ряд пассажей Хроники, относящихся к истории второй половины X столетия, восходят непосредственно к этому сочинению⁴¹. Из про-

³⁸ “Вот так прекратилась война с печенегами. Султан же не прекращал совершать набеги на ромейские владения, то разоряя, то опустошая и присваивая их себе”.

³⁹ “И вот она ушла, а пришла к царю междоусобная война”.

⁴⁰ О “Хронографии” как источнике хроники Зонары см.: Ασιψίδης Ὁ. Ὁ Μιχαὴλ Ψελλὸς ὡς πηγὴ τῆς Ἐλτοπιῆς τοῦ Ἰωάννου Ζωναρᾶ // ΕΕΒΣ. 23. 1949. Σ. 170–188. Греческий исследователь отмечает и частично цитирует все соответствующие отрывки Пселла и Зонары. Вместе с тем Лампсидис воздерживается от конкретных выводов о соотношениях этих текстов, предоставляя об этом судить читателю.

⁴¹ О соотношениях “Краткой истории” Пселла и хроники Зонары см.: *Ljubarskij Ja. Nikephoros Phokas...; Любарский Я.Н.* Еще один источник хроники Иоанна Зонары / Византийские историки... С. 279–282. В своих статьях Я.Н. Любарский показывает, что шесть пассажей хроники Зонары, которые ранее считались вставками самого хрониста или результатом использования устной традиции (*Wartenberg G. Berichtigung einer Angabe des Skylitzes ueber Nikephoros II Phokas // BZ. 1895. Bd. 4. S. 478*), обнаруживают прямую зависимость от “Краткой истории”.

изведений Пселла Зонара заимствует как отдельные детали, так и целые законченные эпизоды. “Хронография” иногда становится даже основным источником нашего хрониста. К примеру, рассказ Зонары о царствовании Михаила V Калафата или о самостоятельном правлении императрицы Феодоры восходит почти исключительно к пселловскому труду.

Из “Хронографии” Зонара заимствует ряд эпизодов, по своей теме и стилю изложения не свойственных хроникам. Так, он нередко помещает в текст своего сочинения развернутые и цельные характеристики нрава императоров и других героев. Вслед за Пселлом Зонара повествует о придворных интригах и о частной жизни царственных особ. Иными словами, хронист привлекает из “Хронографии” все то, что характерно для творческой манеры Пселла, но совершенно не вписывается в каноны хроники⁴² – того жанра, который избирает для себя Зонара.

Пересказывая “Хронографию” и “Краткую историю” Пселла, Зонара нередко применяет те же методы, что и в работе над “Обозрением истории” Скилицы. Так, писатель обогащает повествование образными деталями. Например, в разделе “Хронографии”, посвященном Михаилу IV, есть такой эпизод: под давлением Иоанна Орфанотрофа императрица Зоя соглашается усыновить его племянника Михаила (будущего императора Михаила V Калафата). Перед алтарем Влахернской церкви Зоя провозглашает Михаила своим сыном, а император воздает ему почести и возводит в достоинство кесаря (Chron. IV. 23). Зонара “дорисовывает” выразительную деталь: во время церемонии царица перед алтарем “обнимает Михаила как сына” (Zon. 598.3).

Перелагая труды Пселла, Зонара не избегает случая добавить собственный комментарий, имеющий характерный иронический оттенок. К примеру, хронист передает рассказ Пселла о любовной связи императрицы Зои с будущим царем Михаилом IV Пафлагоном (Chron. III. 17–23, cf. Zon. 582.3–584.10). В этой истории есть такой эпизод: император Роман, несмотря на всевозможные намеки, не замечает преступной связи своей жены и приказывает Михаилу прислуживать в царской опочивальне. Пересказывая этот сюжет, Зонара с иронией заключает, что самодержец стал для возлюбленных сводником (Zon. 583.10–11).

* * *

До сих пор мы говорили о соотношениях Хроники Зонары с тем или иным из ее источников – сначала с “Обозрением истории” Скилицы и с трудом Продолжателя Скилицы, а затем с “Хронографией” Михаила Пселла. Однако Зонара не принадлежит к числу тех хронистов, которые ограничиваются сокращенным изложением одного источника, а перейдя к другому, уже не возвращаются к первому. По ходу рассказа писатель нередко чередует сообщения, заимствованные у разных авторов. В таком контексте закономерна постановка вопроса: каким образом Зонара комбинирует сведения, взятые им из разных текстов – сочинений Пселла и Скилицы? Какими средствами Зонара строит из них свое повествование?

Иногда метод Зонары прост: эпизоды и характеристики, взятые у разных авторов, просто примыкают один к другому. Однако такой способ построения чаще применяется Зонарой в других разделах его труда. К примеру, хронист не

⁴² *Hunger H. Op. cit. S. 275.*

пытается ни тематически, ни синтаксически связать между собой те эпизоды, которые он заимствует из “Римской истории” Диона Кассия и из “Церковной истории” Евсевия Кесарийского.

Для рассматриваемой нами части его Хроники характерна иная тенденция. Из сведений разных источников Зонара стремится различными способами выстроить единый связный рассказ. Заимствуя у Пселла развернутые характеристики, писатель пытается связать их по смыслу с теми эпизодами, которые он находит у Скилицы. Как он это делает, покажет пример. Вот фрагмент рассказа Зонары о Василии II: “Возвратившись в Константинополь, Василий предписал, чтобы налоги разорившихся бедняков уплачивали динаты. Назывался этот порядок аллиленгием. Хотя многие и среди них сам патриарх Сергей умоляли царя упразднить это несправедливое и безрассудное постановление, василевс оставался непреклонен. Ведь, возгордившись от побед, он стал относиться ко всем высокомерно и пожелал, чтобы подданные не любили его, а боялись. Он хотел управлять военным и гражданским сословием не по существующему обычаю, который законодатели именуют законом, а по собственной воле” (Zon. 561.1–11).

Приведенный отрывок составлен из двух источников. Первая часть его почти дословно повторяет сообщение Скилицы о законе 1001 г. (Scyl. 347.76–80). Вторая часть, в которой говорится о высокомерии и властолюбии Василия – переложение текста пселловской “Хронографии” (Chron. I. 29.3–6). Сообщения двух источников Зонара соединяет не механически: он устанавливает между ними новую причинно-следственную связь, выраженную словесно союзом “ведь” (ὅθεν). Непреклонность Василия к просьбам патриарха и отказ упразднить аллиленгий предстает как следствие высокомерного нрава императора.

Стремление Зонары построить связный рассказ из сообщений разных авторов находит полное отражение в тех случаях, когда Скилица и Пселл повествуют об одном и том же событии. Как правило, Зонара не ограничивается пересказом одной версии. По ходу рассказа он обращается то к одному, то к другому сочинению. Как он это делает, постараемся пояснить на примере.

Рассмотрим рассказ Зонары о мятеже Петра Деляна 1040 г. Его содержание вкратце заключается в следующем: некий Долиан (так вслед за Михаилом Пселлом хронист именуется Деляна) выдает себя за побочного сына одного из братьев болгарского царя Самуила, поднимает в Болгарии мятеж и провозглашает себя царем. Император Михаил IV отправляет стратига с войском. Среди воинов тоже вспыхивает восстание, стратиг едва спасается бегством, солдаты избирают своим предводителем болгарина Тихомира и тоже нарекают его царем. Однако Деляну все же удается одержать верх над Тихомиром. Взяв в свои руки всю власть над мятежной Болгарией, Делян отправляется в Македонию, берет город Диррахий, опустошает фему Эллада. На сторону мятежников переходят жители фемы Никополя. Узнав об этом, император тут же устремляется в поход. Он уже тяжело болен, и приближенные пытаются удержать его, но безуспешно. Михаил сам возглавляет войско и подходит к пределам Болгарии. Тем временем там объявляется настоящий потомок болгарского царя Алузиан. Победив хитростью Деляна, он сам становится во главе мятежа. Алузиан избегает боя с ромейским войском, заключает с императором договор и получает титул патрикия. Так мятеж завершается (Zon. 598.9–603.16).

О мятеже Деляна говорится и в “Обозрении истории” Скилицы (Scyl. 409.87–414.47), и в “Хронографии” Пселла (Chron. IV. 40–49). Зонара не пересказывает одну из этих версий, а комбинирует сведения, взятые у обоих авторов. Так, повествуя о походе Михаила и об Алузиане, хронист пересказывает

сочинение Пселла. Рассказ Зонары о борьбе Деляна с Тихомиром, о походах мятежника на Диррахий и Никополь восходит к “Обозрению истории”. Однако при сличении текстов Зонары и Скилицы обнаруживается, что при пересказе наш хронист умалчивает об одном важном событии. Согласно Скилице, одержав верх над Тихомиром, Делян тотчас же двинулся на Фессалонику. Находившийся вблизи этого города самодержец, как только узнал о приближении мятежного воинства, тут же в беспорядке бежал в Константинополь. При этом он бросил лагерь, в котором было много золота, серебра и драгоценных тканей (Scyl. 411.39–45).

Почему Зонара не упоминает об этом событии? Можно предположить, что писатель намеренно опускает этот эпизод, поскольку сообщение о бегстве Михаила вступает в противоречие с дальнейшим его рассказом, заимствованным у Пселла. Ведь согласно Пселлу (а вслед за ним и нашему хронисту), император рвется в бой с мятежником, а по Скилице он, напротив, уклоняется от боя и позорно бежит.

Таким образом, метод Зонары в данном случае представляется следующим: хронист берет за основу версию Пселла. Из “Хронографии” он заимствует подробный рассказ о походе Михаила и захватывающую историю о бегстве Алузигана. Однако сведений о причинах военной экспедиции императора хронист у Пселла не находит. О набегах болгар, заставивших самодержца отправиться в поход, в “Хронографии” только упоминается – все повествование сосредоточено на личности царя. Тогда Зонара обращается к Скилице и заимствует из “Обозрения истории” все необходимые ему сведения: рассказ о мятеже в войске, о походах Деляна и о его борьбе с Тихомиром. Но версия Скилицы содержит сведения, опровергающие пселловскую версию. Зонара не отмечает этих разногласий, а просто “правит” текст “Обозрения”, чтобы он не противоречил рассказу Пселла.

В чем же причина такой небрежности компилятора? По-видимому, Зонара стремится создать увлекательную историю о болгарском мятеже и для этой цели собирает из доступных ему источников те сведения и детали, которые казались ему интересными. Соблюсти историческую достоверность писатель при этом не пытается.

Объединяя различные версии, Зонара не всегда остается верен хотя бы одной из них. Контаминация двух текстов нередко приводит к формированию в Хронике Зонары новой версии, не соответствующей ни тому, ни другому источнику. Обратимся к одному из таких сюжетов.

О поражении русского флота под стенами Константинополя в 1043 г. рассказывают оба автора: и Пселл, и Скилица. Только рассказывают они по-разному. Исследователи уже отмечали многочисленные противоречия между их сообщениями⁴³. Мы не будем перечислять их все, а остановимся лишь на самых важных.

1. Скилица и Пселл называют разные причины войны. Скилица утверждает (Scyl. 430.36–41), что поводом послужило убийство в Константинополе знатного русского. Согласно Пселлу, никакой разумной причины вообще не было (Chron. VI. 91).

2. Согласно Скилице, император, пытаясь избежать столкновения, дважды отправлял посольство к русским: в первый раз еще задолго до того, как русский флот достиг Босфора, а во второй – когда ромейские и русские суда уже построились друг против друга (Scyl. 430.48–54; 431.66–71). Пселл же сообщает лишь

⁴³ *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь. СПб., 2000. С. 234 и сл.

об одном посольстве, но не императора к русским, а русских к императору (Chron. VI. 92).

Как поступает Зонара? Во-первых, он не отмечает противоречия между сообщениями двух авторов. В случаях принципиальных расхождений, которые были приведены выше, наш автор остается верен Скилице. Вместе с тем, пересказывая его “Обозрение”, Зонара последовательно вставляет в повествование целый ряд “элементов” версии Пселла. Перечислим их.

1. Внезапное появление русского флота в Пропонтиде (Zon. 632.3–4).
2. Малочисленность византийского флота (Zon. 632.12–15).
3. Буря, постигшая русские корабли (Zon. 633.10–18).

Вторая и третья вставки лишь дополняют рассказ Скилицы. Образное описание бури, бросившей русские челны на скалы, – не более чем выразительная концовка, придающая эпизоду законченность. Первая вставка, в отличие от второй и третьей, не дополняет версию Скилицы, а изменяет ее смысл: согласно Скилице, император осведомлен о походе русских заранее и отправляет к ним послов еще до того, как их флот достиг Босфора. Согласно Зонаре, Константин Мономах отправляет к русским первое посольство, когда флот противника уже стоит в Пропонтиде. Создается новая версия, противоречащая и тому, и другому источнику.

С какой целью Зонара конструирует новую версию? Возможных причин немало: использование утраченного исторического труда или устной традиции, невнимательность хрониста, не заметившего разногласий между источниками. Однако существует и другое объяснение: заставляя скифов внезапно явиться под стены Царьграда, Зонара “ускоряет” ход событий. В результате возрастает напряженность его повествования. Драматизм усугубляется сообщением о малочисленности ромейского флота, которое писатель тоже заимствует у Пселла и которое тоже вступает в противоречие с рассказом Скилицы (Скилица говорит, что император собирает для защиты столицы много быстроходных триер). Думается, что хронист подбирает эти детали из разных источников с определенной целью. Может быть, Зонара сознательно ускоряет ход событий и “сгущает краски”, пренебрегая исторической достоверностью?

Рассмотрим еще один пример. В рассказах Пселла и Скилицы о восточном походе императора Романа Аргири 1030 года трудно найти что-то общее.

Версия Пселла сводится к следующему: продвигаясь из Антиохии вглубь Сирии, ромейское войско попадает в засаду и подвергается нападению небольшого арабского отряда. Внезапность появления варваров и их устрашающие крики обращают ромеев в паническое бегство (Chron. III. 8–11).

Согласно Скилице, восточная кампания Романа продолжалась значительно дольше. Роман успеваеет разбить лагерь, арабы осаждают его. Все попытки снять осаду ни к чему не приводят. В лагере начинается голод и мор. Император принимает решение отступить в Антиохию, но как только войско выходит из лагеря и трогается в обратный путь, арабы атакуют его и без труда обращают в беспорядочное бегство (Scyl. 379.75–381.37).

Как и в предшествующем примере, Зонара (Zon. 575.8–578.3) умалчивает о разногласиях между его источниками. Он опять берет за основу текст Скилицы, но не забывает и о пселловской “Хронографии”. Оттуда он привлекает, во-первых, характеристику арабов (Zon. 576.19–577.2), а во-вторых, сцену нападения арабов и бегства византийского войска (Zon. 577.7–578.2). Включая эту сцену в контекст версии Скилицы, Зонара заставляет арабов атаковать не идущее войско, а лагерь ромеев. Таким образом, выстраивая свой рассказ из фрагментов двух различных версий, Зонара создает третью, свою собственную версию: оба

источника сходятся на том, что арабы напали на войско, а не на лагерь византийцев, с тем только отличием, что у Пселла войско продвигалось вглубь Сирии, а по Скилице отступало в Антиохию.

Какие причины побуждают хрониста так поступить, неизвестно. Однако, сравнивая этот пример с предыдущим, можно по аналогии предположить следующее: включая в рассказ Скилицы выразительный эпизод из “Хронографии”, писатель намеренно ускоряет ход событий, приближает драматическую развязку – сокрушительное поражение Романа. Ведь по его версии самодержец уже не успевает предпринять последнюю и неудачную попытку прорвать кольцо арабской осады, а затем выйти из лагеря и начать отступление. Катастрофа наступает быстрее. Арабы первыми атакуют его лагерь и берут его приступом.

Наше предположение, что Зонара сознательно ускоряет развитие событий и упрощает фабулу, подтвердит еще один пример. Обратимся к рассказу о первом мятеже Варды Склира. Согласно Скилице, Варда Фока, только что возглавивший войско императора, вступает в сражение с мятежником вблизи Амория и терпит от него одно за другим два поражения. Затем он отправляется в Ивирию и Давид собирает для него новое большое войско. Тогда Фока снова отваживается вступить в бой со Склиром. Бой завязывается в Панкалии у реки Галиса и заканчивается поединком Фоки и Склира (Scyl. 324.32–327.29).

Как эти события отражает Зонара? Он сообщает о поражении Фоки вблизи Амория и о последнем сражении и поединке, выпуская сообщение о походе Варды Фоки в Ивирию. Но вот что в его рассказе странно. По словам Зонары, решающая битва и поединок происходят... на следующий день после битвы у Амория (Zon. 545.2 sq). Может быть, хронист допускает ошибку? Но подобные неточности для Зонары не характерны. Не исключено, что Зонара сознательно сокращает временной промежуток между двумя битвами и приближает развязку, заботясь о занимательности и напряженности своего рассказа. Вспомним, что подобный прием уже был отмечен в византийской историографии XII столетия – в “Алексиаде” Анны Комнины. Как предполагает Р. Лили, события, длившиеся целых полгода, византийская принцесса сознательно вмещает в двухнедельный срок, чтобы достичь драматической напряженности повествования⁴⁴.

До сих пор речь шла о тех случаях, когда Зонара преобразует две версии в одну. Однако, сталкиваясь с противоречивыми свидетельствами источников, наш хронист поступает так далеко не всегда. Зачастую он параллельно приводит обе версии: к примеру, два разных рассказа о смерти Исаака Комнина (там он называет свои источники по именам) (Zon. 672.11–674.6) и о приходе к власти Михаила Пафлагона (Zon. 585.11–586.8).

Нередко хронист скрупулезно отмечает различия даже в мелочах. Обратимся к тому же мятежу Варды Склира. Вот отрывок из описания самого поединка Фоки со Склиром: “Первым Склир поразил Фоку. Как одни говорят, он нанес ему удар палицей по голове. Другие же – что он замахнулся на Фоку мечом, но тот успел уклониться от удара, и меч лишь отсек ухо его коня” (Zon. 545.5–10). Еще один пример. Рассказывая о втором мятеже Варды Склира, Зонара пишет: “Склир шел к царскому шатру пешком, и поддерживали его с обеих сторон – то ли из-за старости, то ли из-за тяжести его тела, ведь он был огромного роста. А другие говорят, что Склир был поражен слепотой, и поэтому его вели под руки” (Zon. 556.5–10).

⁴⁴ Lilie R.J. Der erste Kreuzzug in der Darstellung Annas Komnenas // Poikila Byzantina. 1987. 6. S. 49–188.

Почему же Зонара обходит порой даже самые существенные разногласия, но при этом отмечает различия между версиями в мелочах? Быть может, таким образом сказывается стремление хрониста к пусть даже мнимой достоверности? Не исключено, что здесь можно усмотреть попытку писателя создать иллюзию критического подхода к источникам.

Таким образом, характеризуя работу Зонары над источниками, можно отметить следующие тенденции.

1. С целью сократить источник Зонара не выписывает из него “текстовые блоки”, а кратко передает его основное содержание своими словами.
2. При пересказе отдельных эпизодов источника Зонара упрощает синтаксический строй, заменяя причастные обороты главными и придаточными предложениями.
3. Из разрозненных эпизодов Зонара стремится построить единый связный рассказ. Для этой цели он изменяет порядок изложения, сознательно нарушает временную последовательность, вставляет авторские ремарки и создает новые причинно-следственные связи.
4. Перерабатывая текст источника, Зонара распространяет его за счет образных деталей, сравнений и оценочных комментариев и эпитетов.
5. Писатель не остается в стороне от описываемых событий. Иногда он, по-видимому, вкладывает в повествование новый, актуальный для него смысл.
6. Заботясь о драматической напряженности и занимательности повествования, Зонара нередко контаминирует противоречивые свидетельства источников и создает новые версии. При этом хронист зачастую пренебрегает исторической достоверностью.

Эти тенденции – пусть даже они выражены порой слабо – все же весьма примечательны. От автора всемирной Хроники можно было бы ожидать совсем иного подхода. Так, например, Феофан Исповедник проделывает над источниками обратную работу. Связный рассказ своего оригинала он членит на отдельные сообщения, разрушает логические связи и строит рассказ во временной последовательности⁴⁵. Пересказывая источник, Феофан систематически опускает образные детали и сравнения⁴⁶. Скилица тоже обнаруживает тенденцию, противоположную методу Зонары: пересказывая труд Продолжателя Феофана, этот автор сокращает свое повествование именно за счет образных деталей и сравнений. Наконец, в сочинениях многих византийских летописцев бесполезно искать следы авторской позиции. Хронисты настолько безучастны к тому, что они пишут, что нередко в пределах одного сочинения они заимствуют из разных источников противоположные оценки одного и того же события и, таким образом, противоречат сами себе⁴⁷.

Стремление Зонары к образности, драматической напряженности и композиционной законченности рассказа отдаляет его исторический труд от традиций хронистики и сближает его с произведениями, посвященными современной автору истории – с “Историей” Льва Диакона, с “Хронографией” Михаила Пселла, с “Алексиадой” Анны Комнины.

“Сокращенная история” Зонары – не единственная хроника XI–XII вв., в которой находят отражение отмеченные тенденции. В конце XI столетия появляется “Краткая история” Михаила Пселла. По жанру это сочинение можно отне-

⁴⁵ Любарский Я.Н. Феофан Исповедник... С. 32–33.

⁴⁶ Чичуров И.С. Феофан – компилятор Феофилакта Симокатты. С. 204.

⁴⁷ Сюзюмов М.Я. Об источниках...

сти к “императорским хроникам”. Однако, пересказывая источники, писатель нередко отходит от канонов хронистики. Из разрозненных сообщений источников Пселл создает занимательные и композиционно завершенные рассказы с легким оттенком назидания. Некоторые главки “Краткой истории” больше напоминают не статьи средневековой хроники, а ренессансные новеллы⁴⁸. Позднее, уже в середине XII в., создается стихотворное “Обозрение истории” Константина Манасси. Автор этой всемирной хроники пересказывает общие места византийской Trivialliteratur, но при этом, как и Зонара, расцветчивает свое повествование образными деталями, яркими сравнениями и метафорами⁴⁹.

С IX по XI век византийская историография проделывает долгий и сложный путь от хроники до истории биографического типа, от “Хронографии” Феофана Исповедника до “Хронографии” Михаила Пселла⁵⁰. Этот процесс не ведет к исчезновению всемирной хроники: произведения этого жанра продолжают создаваться и в XI, и в XII в. Однако сочинения византийских летописцев этого периода совсем не похожи на труды их предшественников. В хронистике века Пселла и Анны Комнины появляются черты высокой византийской историографии. “Сокращенная история” Иоанна Зонары – хроника эпохи расцвета византийской словесности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Chron. – *Psello Michele*. Imperatori di Bizanzio (Cronographia). Introduzione di D. Del Corno, testo critico a cura di S. Impellizzeri, commento di U. Criscuolo, traduzione di S. Ronchey. Vol. I – II. Fondazione Lorenzo Valla, 1984.

Georg. Cont. – Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus ex rec. Imm. Bekkeri. Bonnae, 1838. P. 763–924.

H.S. – Michaelis Pselli Historia Syntomos / Ed. W. Aerts. Berolini et Novi Eboraci, 1990.

Scyl. – *Ioannes Scylitzes*. Synopsis historiarum / Ed. H. Thurn. Berolini et Novi Eboraci, 1973.

Scyl. Cont. – Εὐδ. Θ. Τσολάκη. Ἡ Συνέχεια τῆς Χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτη. Θεσσαλονίκη, 1968.

Theoph. Cont. – Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus ex rec. Imm. Bekkeri. Bonnae, 1838. P. 3–481.

Zon. – Ioannis Zonarae Epitomae hitoriarum libri XIII–XVIII / Ed. Th. Buettner-Wobst. Bonnae, 1897.

Zon. Ed. Dindorf – Joannis Zonarae Epitome historiarum / Ed. L. Dindorf. Vol. 1–6. Lipsiae, 1868–1875.

⁴⁸ О композиции и художественных особенностях “Краткой истории” см.: *Ljubarskij Ja*. Some Notes on the Newly Discovered Historical Work by Psellos. TO EΛΛHNIKON. Studies in Honor of Speros Vryonis. Vol. 1. Hellenic Antiquity and Byzantium. N.Y., 1993. P. 213–228; *Любарский Я.Н.* Сюжетное повествование в византийской хронистике // Византийские истории... С. 290–291.

⁴⁹ *Scott R.* The Byzantine Chronicle after Malalas // Studies in John Malalas / Ed. E. Jeffreys, B. Croke, R. Scott. Sydney, 1990. P. 48.

⁵⁰ О развитии византийской историографии см.: *Любарский Я.Н.* Проблемы эволюции византийской историографии // Литература и искусство в системе культуры. М., 1998; *Scott R.* The Byzantine Chronicle...